

Из-за того, что наложница госпожа Юй была родом из публичного дома, да еще и по непонятной причине навлекла на себя немилость главы семейства, двое ее детей тоже постоянно терпели притеснения в поместье. Поначалу слуги и домочадцы еще опасались, что госпожа Юй вернет себе благосклонность хозяина, и не заходили слишком далеко. Но после того как Ань Чанцин несколько раз попытался искать защиты у Ань Чжикэ и вместо этого получил лишь суровый выговор, окружающие окончательно отбросили стыд. Ань Чанцин, вынеся несколько горьких уроков, больше не надеялся, что отец заступится за них с матерью. Поняв, что чем сильнее сопротивляешься, тем жесточе тебя принижают, он постепенно научился смирению. Лишь за пару лет до того, как его принудительно выдали замуж, молодые господа и барышни семьи Ань, вероятно, потеряли к нему интерес и стали реже донимать. Однако при встречах все равно не упускали случая язвить и издеваться.

— Фазан возомнил себя фениксом, — скривила губы Ань Сяньгэ, сидевшая справа на нижнем месте, и пробормотала это вовсе не тихо.

В гостиной царила тишина, и поскольку в этот момент никто больше не разговаривал, ее слова прозвучали особенно громко. В тот же миг все взгляды устремились на нее.

Ань Чжикэ слегка нахмурился и без особой строгости окликнул:

— Гэ-эр!

— Третья барышня еще мала и несмышлена, пусть ванфэй не принимает ее слова близко к сердцу, — пришла на помощь госпожа Лю, наиграно шлепнув Ань Сяньгэ. — Ну-ка, живо извинись перед ванфэй!

Слово от автора:

Сяо Трусика: «Жена такая душистая да мягкая, обнимать её — одно удовольствие».

— Помнится, третьей сестрице уже пора подбирать жениха? Чай, не маленькая уже.

Ань Чанцин посмотрел на свою сводную сестру, которая была младше него на четыре года, и в его глазах не было ни капли тепла. Он до сих пор помнил зиму того года, когда ему исполнилось десять. Ань Сяньгэ, казавшаяся тогда невинным дитятей, с хихиканьем толкнула в озеро Ань Сяньюй, которая была старше нее на год. Ань Сяньюй, как и он сам, с детства терпела обиды, отчего выросла пугливой и кроткой. Из-за скудного питания она выглядела даже тщедушнее и слабее младшей Ань Сяньгэ. Той даже не пришлось прикладывать особых усилий, чтобы столкнуть в воду Ань Сяньюй, похожую на беспомощного котенка. Ань Чанцин тогда случайно проходил мимо и хотя бросился в воду и спас Ань Сяньюй, сам чуть не утонул, тяжело заболел и с тех пор стал болезненно чувствителен к холоду.

Что же до Ань Сяньгэ, то Ань Чжикэ легко отпустил ей этот грех единственной фразой: «Мала еще, несмышлена».

Ань Чанцин опустил глаза и усмехнулся с сарказмом, но больше не намеревался сносить обиды молча. Прожив жизнь заново, нельзя оставаться мягкотелым тюфяком, из которого любой может лепить что захочет.

— Если и в семье мужа она будет так же болтать не подумавши, то рискует навлечь на супруга обвинение в неуважении к императорской семье, — произнес он, глядя на Ань Чжикэ с легкой улыбкой на губах. — Отец, будучи канцлером Да Е, должен понимать истину: «Не подобает молвить непотребное» и «Поступок одного беду на весь род навлекает»?

Поймав на себе перекошенные от злости лица членов семьи Ань, Ань Чанцин поднял пиалу и сделал легкий глоток чая:

— Хотя мы и одна семья, но различие в статусе все же существует. Даже если я не стану принимать это близко к сердцу, князь всегда строго блюдет правила. Если он узнает об этом, то наверняка разгневается.

— А каков характер у князя... думаю, всем прекрасно известно, — Ань Чанцин пристально посмотрел на побледневшую Ань Сяньгэ и мягко улыбнулся: — Если князь в гневе решит покарать за проступок, я не осмелюсь его удерживать. Как думаешь, третья сестрица?

Ань Сяньгэ с немой растерянностью уставилась на него. Упрямство рвалось наружу, и она хотела было возразить, но госпожа Лю сбоку больно ужалила ее щипком. Дуя губы и чуть не разрывая в клочья носовой платок, она нехотя выдавила:

— Ванфэй прав. Гэ-эр виновата.

Ань Чанцин слегка кивнул и, больше не обращая на нее внимания, подозвал к себе Ань Сяньюй. Сегодня на прием пришла только Ань Сяньюй — их родная мать, наложница Юй, оставалась в заднем дворце и не выходила.

По правилам наложнице присутствовать было необязательно, но госпожа Юй всё же являлась родной матерью Ань Чанцина. Если бы в поместье Ань искренне уважали его как ванфэй, то непременно позволили бы госпоже Юй выйти к гостям. Однако в поместье никто не принимал его всерьез, поэтому госпожи Юй здесь не было, и лишь родная сестра Ань Сяньюй скромно сидела на самом крайнем месте.

Ань Сяньюй оставалась такой же, как в его воспоминаниях: тихой и застенчивой. Обладая весьма миловидной внешностью, она вечно опускала голову и даже заговорить громко не смела. Ань Чанцин мысленно вздохнул, с сочувствием погладил ее по голове и спросил об учебе.

Семья Ань веками славилась учеными традициями, поэтому все дочери до замужества обучались в родовой школе под руководством наставниц. Ань Сяньюй по природе своей была спокойной, единственной ее отрадой являлось чтение книг и каллиграфия, так что училась она весьма успешно.

Однако на этот раз Ань Сяньюй опустила голову и тихим, тонким голоском произнесла:

— Я... я больше не хожу в родовую школу.

Ань Сяньгэ, наконец нащупав повод уязвить их, фыркнула от смеха и опередила ее с ответом:

— Ань Сяньюй сжульничала на малом экзамене, и учительница выгнала ее! — Она намеренно улыбнулась с подтекстом: — И впрямь, каков яблочко, такова и яблонька.

Она намекала на то, как в свое время самого Ань Чанцина прогнали из родовой школы. Школа семьи Ань делилась на Мужскую и Женскую. Обе половины разделяла лишь одна стена. Учителями в Мужской школе выступали именитые ученые и мудрецы, выпестовавшие знание канонических сочинений для подготовки к государственным экзаменам.

Ань Чанцин хоть и любил чтение, увлекался в основном трактатами по медицине и ирригации. В составлении канонических сочинений он особых успехов не демонстрировал. К тому же из-за

его происхождения учитель родовой школы всегда относился к нему с презрением. Позже Ань Чандуань оклеветал его, обвинив в тайном свидании с ученицей из Женской школы и аморальном поведении. Наставник даже не стал слушать его оправданий и тут же выгнал из школы.

Об этом происшествии знал и Ань Чжикэ, который даже разбирался в нем. Вот только выбирая между смысленным любимым вторым сыном и ненавистным третьим, он предпочел сохранить репутацию второго. Именно тогда сердце Ань Чанцина окончательно охладело к отцу.

Взгляд Ань Чанцина скользнул по Ань Чжикэ и Ань Чандуаню; на его лице застыла полуулыбка-полунасмешка:

— Я нахожу слова третьей сестрицы весьма разумными. А что думают отец и второй брат?

Лица обоих слегка изменились.

Канцлер Ань верховодил при дворе не одно десятилетие, и едва ли кому-то доводилось допрашивать его с такой дерзостью, тем более побочному сыну, которого он и за человека никогда не считал. Почувствовав раздражение от его насмешливого взгляда, но не имея возможности открыто вспылить, Ань Чжикэ был вынужден выместить гнев на Ань Сяньгэ.

— Куда делись твои манеры?! Если не способна вести себя подобающим образом, сиди в своих покоях и не показывайся людям на глаза, пока не выучишь правила! — Он произнес это сурово. Ань Сяньгэ, с детства избалованная вниманием, никогда еще не подвергалась столь публичному выговору. Ее глаза мгновенно наполнились слезами. Не считая себя виноватой, она лишь с яростью и затаенной обидой уставилась на Ань Чанцина, не смея вымолвить ни слова.

Ань Чанцин же, словно наблюдая за представлениями уличных комедиантов, и не думал вмешиваться. Он просто взял Ань Сяньюй за руку и продолжил беседу.

Получив два ощутимых щелчка по носу подряд, домочадцы семьи Ань наконец осознали: прежний нелюбимый побочный сын оперился и встал на крыло, и вымещать на нем злость, как раньше, больше не получится. Даже пугливая Ань Сяньюй теперь находилась под его защитой, и никто не смел вымолвить в ее адрес даже резкого слова.

Посидев в гостиной еще некоторое время, они дождались часа полуденной трапезы. Ань Чанцин по-прежнему занимал почетное место во главе стола. Сидевшая по левую руку от него старая госпожа вытянула лицо, с силой стукнула тростью о пол и произнесла с ядовитым сарказмом:

— Чанцин вырос, набрался сил да ума-разума.

Ань Чанцин опустил глаза и равнодушно откликнулся:

— Прожив в этом поместье столько лет и день за днем наблюдая за происходящим, волей-неволей чему-то научишься. Иначе бабушка, опасаясь, сегодня не увидела бы внука на этом месте.

Лицо старой госпожи потемнело, но продолжать разговор она не стала. В конце концов, она не была слепой и прекрасно знала, в каком положении все эти годы находились Ань Чанцин с матерью. Просто старая женщина проявляла предвзятость и презирала госпожу Юй, а потому

предпочла пустить всё на самотек и делать вид, будто ничего не замечает.

Как раз в этот момент служанки стали расставлять блюда, разговор утих, и все приступили к обеду.

Покончив с трапезой и посидев еще немного, Ань Чанцин предложил отправиться во внутренний двор, чтобы навестить свою родную мать, госпожу Юй. Ань Чжикэ, которому от одного вида сына становилось не по себе, лишь бросил, что госпожа Юй недомогает и отдыхает в своих покоях. Он велел госпоже Ли сопроводить его во внутренний двор, а сам, взмахнув рукавами, удалился в кабинет переднего двора.

Услышав, что мать больна, Ань Чанцин забеспокоился и, не дав госпоже Ли сопровождать его, торопливо увлек своих людей в глубь поместья.

Двор Ланьхун, где они жили с матерью, располагался в самом дальнем северо-восточном углу резиденции канцлера. Ведущая туда тропа была извилистой, а из-за зимней поры и отсутствия ухода место выглядело унылым и заброшенным. Ань Чанцин не был здесь много лет, но так и не забыл эту дорогу. Он поспешно шагнул вперед, как вдруг за поворотом ему преградили путь.

— Третий брат сегодня действительно невероятно грозен, — произнес стоящий, полунаклонившись к дереву. Его раскосые глаза с приподнятыми уголками смерили Ань Чанцина с ног до головы, словно ядовитая змея, дюйм за дюймом облизывающая жертву языком.

Ань Чанцин остановился и с настороженностью и отвращением посмотрел на него:

— Зачем ты пришел сюда?

<http://bllate.org/book/18381/1767591>